

быть, я стану это делать, а может быть, нет», – имея при этом в виду, что «выбор относительно того, делать это или не делать, остается за мной» и т.п. Метафизическая свобода представляет собой нечто иное. Когда мы думаем о первоначальном содержании свободы и ее реальности, мы задаемся вопросом относительно ее метафизической природы. Мы задаем подобный вопрос, когда хотим определить, являемся ли мы на самом деле, по-настоящему свободными или нам это лишь кажется. Так, при метафизическом детерминизме мы не будем свободными, даже если мы будем при этом считать, что выбор тех или иных поступков остается за нами. Если мы не свободны, то вся наша жизнь обретает радикально иной характер и природу и ее большая часть становится непостижимой, недоступной воображению и немислимой. Поэтому сохранение метафизической реальности свободы является по меньшей мере практической задачей. Но каким образом ее можно выполнить? Многие думают, что данная задача является рациональной и что философия должна предоставить человечеству надежные основы для ее решения. Так рациональное объяснение метафизической свободы становится одной из центральных задач философии.

Начнем с рассмотрения содержания свободы.

Представьте, что вы стоите на Красной площади и фотографируете мавзолей Ленина, когда в объектив вашего фотоаппарата попадают три девушки, которые, смеясь и шутя, идут в направлении магазинов. Некоторое время спустя вы смотрите на эту фотографию, на изображенных на ней девушек и у вас возникает вопрос: являются ли они свободными? И когда вы пытаетесь ответить на первый вопрос, у вас вдруг возникает второй: являюсь ли свободным я сам?

Прежде чем ответить на эти два вопроса, мне приходится иметь дело со следующими четырьмя проблемами:

- Корректно ли искать ответ на вопрос о том, являюсь ли я свободным, и, если да, то как это возможно посредством интроспекции?
- Какого рода факты я должен отыскать, чтобы установить наличие свободы у девушек на фотографии?
- Какого рода факты я должен отыскать при интроспекции, чтобы установить собственную свободу?
- Рефлексируя, я задаю вопрос: свободен ли я?

Однако ни в девушках на фотографии, ни в моей интроспекции я не нахожу ничего, в чем могло бы быть представлено содержание термина «свободный».

В связи с этим возникают вопросы относительно природы фактов, связанных с перспективой третьего лица, и фактов, связанных с перспективой первого лица.

• Из фактов, которые я могу отыскать, отличны ли те из них, которые относятся к девушкам на фотографии, от тех, что относятся ко мне?

- Должны ли эти факты быть фактами различного вида?
- Должны ли они быть различными онтологическими фактами?

Термин «свободный» будет иметь свое собственное содержание только в том случае, если факты, относящиеся к свободе девушек, и факты, относящиеся к моей собственной свободе, будут одними и теми же фактами, даже если наш доступ к ним осуществляется по-разному. Однако обратимся теперь к вопросу о содержании свободы.

1. Содержание свободы

Я не провожу различия между свободой в смысле *freedom* и свободой в смысле *liberty*. Содержание термина задается интенционалом и экстенционалом. Существуют по крайней мере два интенционала свободы, а именно: способность что-то осуществлять (*power of bringing about something*) и свобода действовать даже в том случае, если в конечном счете человек детерминирован. Возможность осуществлять может быть абсолютной или неабсолютной. Когда она является абсолютной, ее называют *causa sui* и приписывают особому существу, такому как Бог.

Свобода конституируется, с одной стороны, автономностью – самостоятельными действиями, собственной трансформацией без какого-либо принуждения или насилия, независимостью и самодостаточностью, а с другой стороны, спонтанностью – естественной, простой, безвозмездной.

Когда мы говорим о свободе человека, мы говорим о его воле (*will*). Мы говорим, что он имел такую-то свободную волю, а именно спонтанно и без принуждения. Мы говорим: князь Мышкин стремится изменить эгоизм Аглаи, так как считает, что эгоизм плох, и желает искоренить его в сердце Аглаи, и для осуществления своего намерения выбирает действия *x* и *y*. Мы говорим, что воление, мышление, желание, намерение, выбор, попытка – все они осуществляются свободно. Поэтому мы скажем, что воля Мышкина свободна: он обладает свободной волей и способен к свободным действиям. В действиях Мышкина присутствуют две составляющие спонтанности/порождения² (*spontaneity/origination*) и автономности/непринужденности. Он

² Автор использует ряд терминов, которые соответствуют англоязычному переводу «Этики» Б. Спинозы. Однако не все эти термины можно адекватно передать с помощью русскоязычного перевода «Этики» в силу языковых и стилистических особенностей русскоязычного перевода Спинозы и стилистики современной философской терминологии. Поэтому во избежание путаницы в ряде случаев в скобках приведены оригинальные англоязычные термины, использованные автором. – *Прим. перев.*

создает нечто из ничего, из самого себя без каких-либо преград или вмешательств со стороны, он обладает полным контролем.

Таким образом, следуя Спинозе, нужно признать, что свобода обладает двумя существенными пунктами: спонтанности/порождения и автономности/произвольности (*autonomy/voluntariness*). Действие рассматривается как свободное, только если оно происходит по воле человека, полностью контролирующей его выбор, и выполняется без какого-либо принуждения (*compulsion*), сдерживания (*constraint*), помощи или соединения с иной силой или причиной; воля сама по себе должна быть достаточной для осуществления действия и удержания постоянного контроля над ним. Именно указанные два пункта приводят нас в замешательство и одновременно зачаровывают, ибо как можем мы порождать нечто и делать это автономно? Я полагаю, что мы не сможем понять себя, если не сможем четко уяснить, что значит порождать вещи или факты в мире и как мы можем осуществлять такое порождение автономным образом. Загадка того, что значит быть человеком, тесно связана с загадкой свободы.

Термин «свобода» в первую очередь обозначает (указывает на) квалиа, переживаемые от первого лица. Являются ли эти сознательные квалиа свойством или вещью? Первым напрашивается ответ, что квалиа подобны цвету яблока, однако при этом все же кажется, что квалиа, переживаемые в сознании человека, не столь просты и имеют отношение к некоей реальности, т.е. к вещи или свойству, которой (которым) является свобода. Иными словами, то, что мы стремимся обозначить термином «свобода», – это то, что возникает в виде квалиа, но при этом может обладать природой за пределами переживаемого нами опыта.

Кроме того, если свобода является свойством, возникают вопросы: каковы ее конституенты? Каким образом она структурирована? В чем заключаются ее необходимые и достаточные условия? Каково ее каузальное могущество (*causal powers*) и каким образом оно проявляется?

2. Пять интенционалов свободы

При этом относительно свободы мы имеем не один, а семь интенционалов, концептов или содержаний этого понятия. И Хайдеггер³ нам их напоминает:

- i. свобода как способность человека самостоятельно инициировать действие;
- ii. свобода как отсутствие оков или цепей; высвобождение как негативная свобода;

³ *Heidegger M. Schellings Abhandlung über das Wesen der menschlichen Freiheit. Tübingen, 1971.*

iii. свобода как способность, соотношение или связь с *libertas determinationis*; способность действовать как позитивная свобода;

iv. свобода как господство над чувствами (*the sensible*) (неподлинная свобода);

v. свобода как самоопределение, начиная с закона принадлежности сущности свободы (подлинная свобода), т.е. строгого понятия свободы; данное понятие подтверждает все предшествующие понятия свободы;

vi. *Libertas est propensio in bonum*. Свобода как склонность (*propensity*) к благому;

vii. *Libertas indifferentiae* [*~genratio, ~origination, ~gestatio*] – свобода как беззаботность (*indifference*) [*~генерирующая, ~порождающая, ~вызывающая*].

Ниже я абстрагируюсь от некоторых из приведенных выше смыслов и сконцентрируюсь на том смысле, который был указан в начале статьи, а именно, на способности спонтанно и автономно порождать действие, связанной с квалиа, переживаемыми от первого лица. Таким образом, у нас остаются смыслы i, ii, iii, iv и v, а смыслы vi и vii с очевидностью исключаются.

3. Источник свободы

Свобода не вещь, которую мы отыскиваем в мире подобно деревьям, воде и т.д. Но каков тогда источник этого понятия, столь часто используемого в обыденной жизни? Гален Стросон формулирует распространенный подход:

«...одна из фундаментальных причин, почему мы верим в конечную ответственность... заключается в том опыте выбора, который мы переживаем как сознательные агенты, способные отдавать себе полный отчет в собственных действиях в ситуациях обдумывания действий или выбора»⁴.

Таким образом, речь идет о выборе, связанном с нашими действиями. Мы чувствуем, что делаем выбор, и действие происходит спонтанно из этого выбора. Во всем этом процессе задействовано могущество (*power*) свободы, ибо без свободы не будет ни выбора, ни действия. Однако создается впечатление, что свобода, будучи необходимым условием выбора и действия, не является их достаточным условием: просто обладания свободой недостаточно для того, чтобы действия следовали из выбора.

Стоит обратить внимание на то, что даже в позиции от первого лица, переживая опыт спонтанности выбора и попытки [действия],

⁴ См.: *Strawson G. The Impossibility of Moral Responsibility // G. Watson (ed.). Free Will. Oxford, 2003.*

мы не переживаем их как нечто автономное, как нечто, не обусловленное сопутствующей причиной или агентом. Ни в позиции от первого лица, ни в позиции от третьего лица мы не можем просто принять, что действия человека являются автономными. Даже если нам кажется, что мы можем исполнять собственные желания, мы при этом не чувствуем само это действие как спонтанное в каком-либо особом виде, даже в виде особого смысла порождения.

Но если так, то кажется, нам следует сказать несколько больше о том, каким образом эта метафизическая свобода коренится в самом начале наших действий.

4. Феноменология действия от первого лица

Детальное описание, основанное на рефлексии осознании того, что происходит, когда мы осуществляем действия, дает нам три конститутивных аспекта: (i) аспект Я-как-инициатора; (ii) аспект целенаправленности; (iii) аспект добровольности (*voluntariness*).

Каким образом данные аспекты могут быть обращены в метафизические свойства всякого действия? Рассмотрим аспект (iii), т.е. связанную с действием свободу.

Феноменология действия, как правило, включает еще один аспект, отличный от аспекта целенаправленности, а именно *добровольность*. Обычно, когда вы что-либо делаете, вы осознаете себя как агента, *свободно* совершающего действие в том смысле, что это лично *ваше дело* – выполнять данное действие или нет. Вы переживаете (осознаете?) себя не только как агента, имманентно генерирующего действие, и не только как агента, имманентно генерирующего его с определенной целью, но также и как имманентно генерирующего его таким образом, что *можно было бы сделать и иначе*⁵.

Таково описание свободного действия; однако остановимся и попытаемся понять содержание приведенного отрывка: «...как имманентно генерирующего его таким образом, что *можно было бы сделать и иначе*». Что значит «генерирующий»? Что значит «имманентно генерирующий»? Что подразумевается в контрфактическом «можно было бы сделать иначе»? Все это серьезные вопросы, ответ на которые можно найти лишь в пределах данных сознания. Сразу возникают дополнительные вопросы: идет ли здесь речь о *квалиа*? Или о чувствах? Или об ощущениях? Или, может быть, мы имеем здесь дело лишь с феноменами, с состояниями сознания? Обладаем ли мы правилами рационального вывода, позволяющими

⁵ Horgan T. et al. Phenomenology of First-Person Agency // S. Walter and H.D. Heckmann (eds.) *Physicalism and Mental Causation: The Metaphysics of Mind and Action*. Imprint Academic, 2003. P. 10.

ми перейти от описанных продуктов сознания к чему-то большему, к чему-то онтологическому? Если да, то какими тогда будут эти онтологические конституенты? Будет ли их содержание доступно анализу?

Значение фразы «имманентно генерирующий» могло бы включать в себя то чувство спонтанности или порождения, т.е. то, что действие само по себе свободно произошло из моего желания. Значит ли это, что речь идет об автономности, об отсутствии сторонней помощи или сопутствующих обстоятельств, без обусловленности или какой-либо иной причины или воли? Скорее всего, нет. Я могу обладать чувством спонтанности, но само по себе оно не разрешает каких-либо значимых вопросов, связанных, например, со свободой моего выбора. Оно не позволило бы мне избавиться от возможности наличия еще какой-нибудь сопутствующей или обуславливающей причины и тем самым от сдерживания или predeterminedности. Феноменология указывает на спонтанность, не учитывая при этом автономность, которая в свою очередь не может быть учтена априори. То же самое можно сказать и о фразе «можно было бы сделать и иначе»: мы можем чувствовать подобное могущество (power), однако чувство никогда не является автономным могуществом. Чувство спонтанности, как было указано выше, не гарантирует порождения, особенно в смысле метафизического порождения или сотворения (creation).

В таком случае спонтанность и автономность подразумевают самодостаточные виды могущества (powers), позволяющие начать, провести и закончить действие, исключая участие какого-либо иного могущества или агента.

Если так, то отсюда следует сильное понятие индивидуальной личности, способной самостоятельно осуществлять действия, полностью их контролируя, личности как обособленного созидающего атома. Такая атомистическая концепция противопоставляется холизму и пантеизму.

Рассмотренную выше трехаспектную феноменологию можно признать и неполной, если допустить четвертый аспект, а именно: (iv) аспект всеобщности (totality).

Пантеизм не является фатализмом, поскольку:

1) наиболее живое чувство человеческой свободы требует принадлежности человека к основе бытия во всеобщности (подразумевает позицию пантеизма);

2) с точки зрения системы: правильно понятый пантеизм требует наличия человеческой свободы⁶.

⁶ Heidegger M. De la Essence de la Liberté Humaine. Introduction a la Philosophie. P. : Gallimard, 1977. P. 106.

Таким образом, переживание свободы может иметь своим следствием данное чувство принадлежности к основе всеобщности космоса, без которого чувство свободы не будет иметь никаких последствий. Данный аспект тесно связан со страхом или страданием, ибо человек, претерпевающий страх или страдание, не может быть свободным. Однако человек, испытывающий принадлежность к космосу, не имеет страха или страдания. Скорее наоборот, ему присуща уверенность в себе, увеличивающая его мотивацию и силу для осуществления действия.

Как может атом, изолированный от космоса, помыслить себя в качестве неотъемлемой конституенты этого самого космоса? Каким образом такой автономный индивид может быть метафизически связан с космосом?⁷ Данные вопросы являются слишком масштабными, чтобы исследовать их здесь.

Однако как бы то ни было, это четвертое условие всеобщности, как и другие три, является лишь постулированной сознанием сущностью (*conscious posit*), которую нельзя представить в качестве метафизического факта.

Настало время обратиться к наследию двух великих философов, глубоко исследовавших предмет свободы и обнаруживших лишь то, что он представляет собой парадигму непостижимой сложности.

5. Юм и Кант

Юм пишет, что свободная воля является: «...самым спорным вопросом в метафизике, самой спорной из наук»⁸. Кант утверждал, что наше знание о свободе таково, что единственная вещь, которую мы о ней знаем, это то, что мы ее не знаем. В «Критике практического разума» он утверждает, что применительно к понятию свободы следует признать «...и его *необходимость* как проблематического понятия в законченном применении спекулятивного разума, и полную *непостижимость* его»⁹.

Свобода, являясь самым спорным вопросом, такова, что мы не можем ее ни понять, ни познать. Но при этом мы не можем и обойтись без нее. Мы обречены чувствовать себя свободными, будучи неспособными знать об этом. Сознание свободы вместо знания о ней. Почему так?

⁷ Ср. Канта, утверждающего: я являюсь свободным лишь как разумное существо, сообразующееся с универсальной и необходимой максимой в умопостигаемом мире.

⁸ Цит. по : Юм Д. Исследование о человеческом познании // Соч. в 2 т. М., 1996. Т. II. С. 81.

⁹ Цит. по: Кант И. Критика практического разума // Соч. в 6 т. М., 1965. Т. 4. С. 318.

6. Потребность в «свободе»

Помимо грубого факта наличия чувства свободы существуют по меньшей мере четыре причины, почему мы не можем обойтись без свободы: (1) в силу моральной ответственности: то, что мы делаем, должно зависеть от нас; (2) в силу нашего собственного статуса личностей, т.е. субъектов, обладающих могуществом действовать и способных строить свою собственную судьбу; (3) в силу желания обвинять или восхвалять; (4) поскольку мы считаем, что отличаемся от вещей или машин.

Без метафизического могущества свободы исчезает понятие личности.

7. Абсолютная свобода

Такие мыслители, как Кант, вводят понятие свободы как необходимое, абсолютное и априорное. Почему они считают, что имеется нужда в таком понятии? Возьмем моральную ответственность и обратимся к позиции Канта, заключающейся в следующем требовании:

Если мы хотим получить настоящую, абсолютную, метафизическую свободу, способную полностью обусловить *моральную ответственность*, то нам необходимо перевести свободу из объективного, эмпирического, физического мира в чистый, умопостигаемый ноуменальный мир.

Однако что это за *свобода*? Мораль является абсолютной: мы либо моральны, либо нет. Родион Раскольников либо виновен, либо не виновен. Если он виновен, то требуется доказать его абсолютную вину, иначе мы не можем обвинять его и соответственно не можем наказывать. В таком случае Раскольников должен быть свободен в описанном выше смысле, а именно в том, что он убил Алену Ивановну так, что «...имманентно генерировал его [убийство] таким образом, что *можно было бы сделать и иначе*». И контрфактическое «*можно было бы сделать и иначе*» должно быть оценено с прилагательным «абсолютно». Таким образом, если Раскольникова следует обвинить и наказать, то он должен был быть *абсолютно* способным *сделать и иначе*. Если данное условие абсолютности не соблюдается, то нет и морального обвинения, равно как и наказания за убийство. Повторим еще раз: если Раскольникова следует наказать, то он должен быть абсолютно ответствен и тем самым абсолютно свободен.

Прервемся на некоторое время и рассмотрим эту «абсолютную свободу». Раскольников действительно убил Алену Ивановну, и нам следует думать, что он сделал это сознательно, без какого-либо принуждения, условия или предопределенности. На протяжении всех моментов действия по убийству он мог бы «сделать и иначе». Однако маловероятно, что он совершил убийство без какого-либо принужде-

ния, условия или предопределенности. Мы знаем, что он находился под воздействием финансовых и семейных проблем, что у него было много предрасположенностей личного и социального плана и что его воля была предопределена на совершение убийства более чем одним способом. На протяжении всего своего пути к преступлению он размышляет о том, не будет ли лучше отказаться от попытки убийства, и каждый раз он вынужден не согласиться с этими мыслями и продолжить свое действие до тех пор, пока полностью его не совершает. В процессе убийства имеется целый ряд различных предопределяющих факторов. Достаточно упомянуть лишь то, что, уже занеся топор и будучи готовым нанести удар, он утрачивает свою сознательную волю и делает удар механически, без желания и без элемента абсолютной возможности «сделать и иначе».

Таким образом, следует постулировать, что этот требуемый Кантом трансцендентный выбор происходит вне пространства и времени, в мире, являющемся вечным, трансцендентным и чисто умопостигаемым. Действительно, Кант думает, что единственная онтологическая среда, способная на спонтанность и автономность, должна быть такой, что воля в ней является чистым мышлением без какого-либо чувственного содержания: я могу быть автономным инициатором... только если мой выбор является чисто мыслительным. Только осуществляя чистое мышление, я буду по-настоящему спонтанным и не испытывающим сдерживания или предопределенности. Только тогда я буду истинным агентом, обладающим полным контролем. Понимаем ли мы это на самом деле?

Я полагаю, что большинство наших обыденных действий похожи на действие Раскольникова и никогда не отвечают требованию *абсолютной способности сделать и иначе*. Поэтому мы никогда не являемся свободными в требуемом моральном смысле. Однако если условие свободы не выполняется в случае с людьми, то в каком случае оно выполняется? В случае Бога? Нам говорят, что он создал космос *ex nihilo* и что он является *causa sui* в абсолютном смысле. Мы вполне можем во все это верить, однако мы не можем понять такой свободы. Как и в случае с людьми, мы здесь не обладаем доступом к содержанию этой «свободы». Просто в случае с людьми мы бы еще меньше понимали, что значит создать нечто *ex nihilo* или быть *causa sui*.

Таковы те требования, которые, согласно Канту, накладывают на нас наши моральные понятия. И поскольку нам не удастся отыскать требуемую абсолютность в эмпирическом, физическом мире, свобода должна быть ноуменальной, чем-то, что мы вообще не можем понять, но все же можем помыслить. Она должна быть чем-то чистым и находящимся в онтологически чистой сфере умопостигаемого. Но если она ноуменальна, то тогда она невыразима, непознаваема и неопишима. Она становится понятием, постигаемым чистым разумом, с необ-

ходимостью не имеет эмпирического содержания, поэтому невозможность построения теории свободы или ее объяснения также становится необходимой.

Более того, с необходимостью не может быть и научного понимания «свободы». Нам останется лишь обыденная «свобода», являющаяся неопределенной, спутанной, подверженной парадоксам и противоречиям. Истинной, настоящей свободой будет ноуменальная метафизическая свобода. Ее содержание/смысл (intention) будет чистым и доступным только для разума. Таким образом, факторы спонтанности и автономности сохраняются с определенностью только в том случае, если свобода является ноуменальной.

Но тогда сразу возникает вопрос: является ли «ноуменальная свобода» непротиворечивым понятием?

Независимо от ее когерентности, остается и проблема того, что для моральной ответственности требуется только ноуменальная, метафизическая свобода. Но если ноуменальная свобода является когерентным понятием, то мораль оказывается в отчаянном положении, скатываясь в область агностицизма и далее к скептицизму и нигилизму.

8. Рациональное vs рационалистическое

Нам следует провести различие между рациональным и рационалистическим рассмотрением. Такие философы, как Лейбниц, стремятся представить рационалистическое рассмотрение всех фундаментальных понятий, в том числе понятия свободы. Такой рационалистический подход не будет иметь предрасположенностей и будет сведен к чистым и четким понятиям, будучи по возможности представлен в виде логического дедуктивного исчисления. Но рациональное рассмотрение понятия или свойства с необходимостью не подразумевает рационалистического подхода. Предлагает ли Кант рациональное рассмотрение свободы? Если да, то тогда будут существовать виды рационального рассмотрения, не являющиеся научными и не доступные пониманию. Такой результат не согласуется с рационализмом. Если нет, то тогда подход Канта нужно признать иррациональным и исключить. Это приведет нас к всестороннему элиминативизму и верификационизму.

Разумеется, Кант рассматривает область чистого разума как нечто спекулятивное, не являющееся частью естественного мира, исключительно умопостигаемое. Такое понятие крайне необычно, и его трудно ухватить. Оно подвергает наши интеллектуальные способности (powers) исключительному испытанию. Однако позиция Канта представляется ясной: если мы требуем необходимой, абсолютной ответственности, то мы должны принять крайнюю версию понятия свободы. Понятие ноумена обеспечивает именно это.

Позицию Канта можно выразить и иначе: для получения морали и *Summum Bonum* (всеобщего блага) нам следует отбросить уровень сознательного опыта с его пространственно-временными формами и устремиться в глубь уровня подлинного, трансцендентного. При такой формулировке сложно избежать чувства присутствия здесь *reductio*.

9. Вторичный интенционал (second intention) свободы?

Есть и еще одна теоретическая возможность [объяснения свободы], а именно: введение вторичного интенционала этого понятия¹⁰. Однако рационально ли полагать, что термин «свобода» функционирует так же, как, скажем, термин «вода»? В случае с «водой» мы можем различить первичный интенционал, выраженный свойствами <жидкая, прозрачная, не обладающая запахом и т.д.>, и вторичный интенционал, выражаемый как H₂O. В случае с термином «свобода» мы имеем первичный интенционал: <спонтанная, автономная>, а также вторичный интенционал, установление которого должно быть апостериорным. Но какого рода факт мог бы стать здесь вторичным интенционалом? Физический факт? Нейрофизиологический факт? На данном этапе мы не можем сказать что-либо стоящее по этому вопросу.

Однако вторичный интенционал свободы, по-видимому, может стать угрозой самому этому понятию, которое, как кажется, глубоко укоренено в сознательном опыте. Более того, Кант предложил модель того, как выходить за пределы сознательного опыта свободы, не затрагивая самого содержания свободы.

10. Верификационизм

Ориентированный на науки и мыслящий эмпирически человек выдвинет требование приемлемости понятия свободы лишь в случае его анализируемости и подтвержденности эмпирическим опытом. Поэтому он попытается выйти из затруднения путем конструирования «свободы» посредством отвлечения от обыденного употребления этого термина с тем, чтобы сделать данное понятие совместимым с требованиями морали и права. Одним из способов здесь будет минималистское понимание свободы, т.е. разработка на основании сознательного опыта понятия, достаточного для обоснования наших моральных и правовых практик.

¹⁰ Подробнее о понятии вторичного интенционала см. известный анализ терминов естественных видов, предложенный Солом Крипке в: *Kripke S. Naming and Necessity*. Harvard, 1980.

Однако здесь сразу возникает возражение. Подобная разработка будет представлять собой лишь узкое теоретическое предприятие. Понятие свободы будет постулироваться, а это не позволит решить проблему метафизической свободы и избежать детерминизма. Верификационистская свобода оказывается совместимой с существованием метафизической свободы, равно как и с необходимостью детерминизма. Верификационизм, таким образом, лишь отвлекает наше внимание от сути философской проблемы, не предлагая какого-либо ее решения. При этом остается без ответа и вопрос о том, не является ли верификационистская свобода лишь рационально постулированной сущностью.

11. Элиминативизм

Наша концептуальная ситуация на данном этапе выглядит следующим образом:

- i. Метафизическая свобода является неясной (непостижимой?).
- ii. Минималистской свободы недостаточно.
- iii. Понятие свободы следует отбросить.

Однако является ли элиминативизм единственным рациональным заключением? Или он только проявляет соответствующие рациональные предрассудки?

12. Три точки зрения на метафизическую свободу

У нас остаются три точки зрения на метафизическую свободу. Конкретно:

1. Свобода является ноуменальной; ее нет в мире.
2. Единственное возможное понимание свободы – минималистское, при котором свобода определяется операционально.
3. Свобода есть бессвязное понятие, от которого следует избавиться.

13. Парадокс свободы

Суть парадокса свободы заключается в следующем: свобода является обыденным, неотъемлемым понятием, однако мы не можем ухватить его содержание и поэтому не можем представить его теоретическое рассмотрение. Свобода необходима, однако само ее понятие оказывается ускользающим.

Что делать? Быть может, нам остается лишь предложить психологическое описание нашей склонности искать метафизическую свободу? Быть может, здесь причиной всему наша психология? Именно к подобному выводу пришли некоторые агностики и скептики: свобода являет-

ся невыразимой, поэтому нам остается одно – предложить психологическое описание нашей склонности рассматривать и использовать такое сбивающее с толку понятие. Конкретной задачей здесь оказывается отыскание в нашей психологической природе фактов или механизмов, составляющих нас постулировать свободу. Странники такой позиции исходят из того, что в людях должно быть что-то, какая-то глубинная внутренняя потребность, которая удовлетворяется посредством размышлений о свободе и ее обсуждении. Перед ними открывается целое исследовательское поле из наклонностей, травм, комплексов, аттавизмов и т.п. Однако все равно оказывается, что в понятии свободы есть нечто большее, чем просто психологические факты и объяснения.

Или, быть может, нам следует обратиться к инстанции Бога или таинства? Такова самая крайняя позиция, которую занимают сторонники онтологической, абсолютной свободы, прежде чем они поддаются скептицизму и, далее, агностицизму. Согласно этой позиции, свобода – это нечто божественное и потому нечто невыразимое, непонятное, таинственное, но тем не менее реальное, эффективное и крайне значимое для человеческой жизни. Такую трактовку свободы вряд ли можно признать рациональной, даже если она при этом и не является иррациональной.

14. Тест из пяти вопросов

Вопрос о том, есть ли у нас другие интуиции относительно свободы, о которых мы еще не задумывались, можно исследовать при помощи теста. Те ответы, которые каждый из нас предложит, укажут его отношение к свободе. Рассмотрим приведенный ниже список и заменим в нем слово «свободный» на «спонтанный» или «автономный» или на оба.

1. Мы свободны, но (еще) этого не знаем.
2. Мы не свободны, но не знаем этого.
3. Мы свободны и знаем это.
4. Мы не свободны и знаем это.
5. Мы верим, что являемся свободными независимо от того, свободны мы или нет.

Являются ли все эти утверждения рациональными?

15. Сила сознательной свободы

Сознательная свобода остается неоспоримой: с точки зрения нашего сознательного опыта, нашего представления о самих себе и многих других практических установок нам остается лишь принять свободу. Мы приговорены к тому, чтобы чувствовать себя свободными. И если метафизическое содержание свободы остается недоступным для анализа и объяснения, то мы должны продолжать исследование

данного вопроса. При этом необходимо не только задаваться вопросом о свободе исходя из объективных соображений, как это делают детерминисты, ибо данный метод уже испробован. Следует критически рассмотреть продукты (deliverances) нашего сознания, ибо если они окажутся значимыми, то их значимость будет основана на опыте, исключительно на опыте явлений. В книге Хоргана «Феноменология действия от первого лица»¹¹ предложено описание сознательной, переживаемой свободы, однако подобные дескриптивные свойства вряд ли могут быть достоверными или неоспоримыми онтологически; более того, практически в каждом своем аспекте они оказываются спорными. Даже если подобное критическое рассмотрение приведет к негативным результатам и обесцениванию значимости упомянутых дескриптивных свойств или изменению их специфики, это не будет означать исчезновения свободы, ибо свобода, если она реальна, должна быть чем-то, находящимся за пределами сознательного опыта, как утверждал Кант. Однако вопреки позиции Канта она при этом не должна быть и ноуменом.

16. Свобода vs рациональность

Но нет ли здесь дилеммы? Быть может, понятия свободы и рациональности несовместимы и тогда нам следует выбирать: либо мы свободны и тогда не можем сформулировать рационального объяснения свободы, либо тот факт, что свобода не поддается рациональному объяснению, является доказательством, что она есть фиктивное понятие, от которого следует избавиться. Однако прежде чем мы элиминируем свободу из нашей концептуальной схемы, нам следует четко определить, в чем именно заключается дефектность и бесполезность этого понятия. А вслед за этим нам нужно будет подвергнуть такому же анализу и понятия разума и рациональности. Ведь существует целый ряд понятий, которые не поддаются рациональному объяснению, но мы при этом их не отбрасываем. Такие понятия, как добро, красота, бессмертие, Бог, – все они противятся метафизическому рациональному рассмотрению и преимущественно остаются невыразимыми (ineffable), однако мы сохраняем их и постоянно используем. Следует ли нам заключить, что наши понятия представляют собой не согласованную систему, а шизофреническую, в которой одни элементы оказываются доступными рациональному объяснению, а другие нет? Является ли разум ограниченной силой? Является ли ограниченным понятие разума?

Так как же нам быть со свободой?

Перевод с английского П. С. Куслия

¹¹ Horgan T. et al. Op. cit.